

Сперва я тревожилась, но, оказавшись верхом, ощутила полную свободу. Дав волю чувствам, я устроила с А-Хуань гонку, пронеслась пять-шесть ли, пока и мы, и кони не покрылись потом. Затем понемногу стали сдерживать коней. А-Хуань спрыгнула на землю, бросила поводья и отпустила коня пастись. Я последовала её примеру, соскочила с седла и обняла её: «А-Хуань, А-Хуань, целых десять дней тебя не видела».

Она укоризненно посмотрела на меня: «В начале месяца, когда государыня в резиденцию принцессы пожаловала, мы виделись. И седьмого, и позавчера».

Я уткнулась лицом в её грудь и пробормотала: «Мельком в толпе увидеть — разве это считается? Если так, то я тебя каждый день вижу — во сне».

Она тихо рассмеялась, затем тихо вздохнула, обернулась, обняла меня и нежно поцеловала. Мне хотелось продолжить, но и прерывать это уединение не хотелось. Пока я колебалась, она уже сбросила плащ, расстелила его на земле, потянула меня вниз и принялась расстёгивать мою одежду. Наткнувшись на мешочек «Чэнлу», она замедлила движение, поднесла его к носу, понюхала и нахмурилась: «Почему благовония не сменила?»

Я ответила: «Не могу подобрать аромат, как у твоего, вот и не меняю».

Она развязала свой ароматический мешочек, разделила благовонную плитку пополам, вложила мне, затем поправила мою одежду. Я раскрыла свой плащ, укрыла нас обеих, прижалась к ней вплотную, а рука моя совсем не смирно принялась её ласкать, словно я жаждала вобрать её в себя. Она была в похожем состоянии, слегка задышалась, но всё же успевала говорить: «В последнее время во дворце многих наказали — в основном из служб связи и передачи распоряжений. Вэй Туаньэр появляется чаще прежнего и уже несколько раз навещала дома знатных господ и дам. Ты вне дворца — будь осторожна во всём».

Я ответила: «У меня всё в порядке. Матушка не любит, когда о её делах выведывают. Тебе во дворце куда как осторожнее быть надо. Матушка дала мне шкатулку с меморандумами — велела самой изучить. Я посмотрела — всё про ту историю с обрядом Фэншань. Лю Жэньгуй и другие были к ней причастны... Оказывается, Лю Жэньгуй тогда поддерживал матушку в проведении Фэншань».

От её тела исходил жар, и с потом аромат становился насыщеннее. Недавно она сильно исхудала — обнимать её было словно обнимать сухое дерево. Сейчас же немного поправилась, и тело стало приятным на ощупь, на бёдрах даже появилась мягкость. Моя рука скользила между её ног, и её дыхание становилось всё чаще, как и моё. Боясь, что Хулюй Добао и другие вот-вот нагонят, я торопливо выпалила всё, что знала: «...Старые сподвижники, на которых матушка раньше опиралась, теперь в большей или меньшей степени переметнулись к канцлерам. У матушки не осталось верных людей, вот она, во-первых, поддерживает У, во-вторых, выдвигает новых, в-третьих, полагается на близких во дворце... Цайжэнь Ваньэр, шангун Хэлоу, Вэй Туаньэр, Цуй Мин-дэ... Ни с кем из них не ссорься, старайся дружить. Знаю, что лишнее — ты куда умнее меня и сама всё понимаешь. Я только начинаю в этом разбираться. Матушка, кажется, хочет меня взращивать, но до какой степени — не знаю... Один обряд Фэншань — и меморандумов до сотни набралось. Кто отцу угодить хотел, кто матушке, кто Тай... Шэн-гэ. Кто на ритуалы Чжоу ссылался, кто на прецеденты Северных династий, кто Конфуция цитировал, кто наши уложения... „Управлять великой державой — всё равно что готовить мелкую рыбу“. Теперь я понимаю, что это значит. В котле всякое перемешано — чуть зазеваешься, и неизвестно, каков вкус получится... М-м...»

Взгляд её уже помутнел, и я не знала, слышит ли она меня. Да и сама не очень понимала, что

говору: губы шевелились, а все мысли были сосредоточены на её руке, двигавшейся во мне. Рука эта казалась мягкой, но в то же время твёрдой, стремительной, будто желала вознести меня к небесам. И хотя движения были резкими, боли не причиняли, лишь скользили, и чем сильнее я пыталась их удержать, тем легче они выскользывали, вызывая противоречивые чувства.

К счастью, то, что не удавалось удержать ногами, можно было схватить руками. Я сжимала её так, что она почти теряла рассудок, пока та вдруг не перевернула меня, прижала к земле и с досадой выкрикнула: «Ли Тайпин!» — и впилась зубами в мое плечо. Я вздрогнула и разжала руки, сдав позиции первой.

Первые три места на охоте достались членам императорского клана Ли: первое — Ли Мин, второе и третье — сыновья Хо-вана и Хань-вана. У Чэнсы потратил уйму сил, а в награду получил лишь отрез парчи с павлиньим узором. В ярости он сломал лук и сидел, мрачно попивая вино. Даже прочие У выглядели подавленными, лишь У Саньсы сохранял на лице улыбку и поддерживал светскую беседу.

Матушка же, напротив, сияла улыбкой и ласково общалась с роднёй, явно пребывая в прекрасном настроении.

Затем снова начался пир. В году триста шестьдесят дней, а во дворце, кажется, шестьсот тридцать пиров справляют. Я не слишком жалую подобные мероприятия, да к тому же, увлечшись ранее, простудилась — голова становилась всё тяжелее. На пиру я несколько раз чихнула, обернулась к А-Хуань и увидела, что та тоже кашляет. Она прокашлялась, словно что-то вспомнила, и посмотрела на меня. Я улыбнулась ей, но тут же снова чихнула, и с высоты трона раздался вопрос матушки: «Тайпин, что с тобой?» Я поспешно поднялась и ответила: «Наверное, наскочила, простудилась».

Матушка бросила на меня укоризненный взгляд и сказала: «Раз простудилась — ничего холодного не ешь». Едва она это произнесла, как со моего стола унесли все холодные блюда, а служанка подала накидку. Я беспокоилась об А-Хуань и невольно снова на неё взглянула. Та, впрочем, уже выглядела как обычно, только никак не оборачивалась в мою сторону. Я поняла, что она боится, будто нас заметят, и тоже не решалась больше смотреть. Сидела, уткнувшись, сделала несколько глотков горячего вина, которое подала служанка, — голова отяжелела ещё больше. К счастью, все спешили пораньше вернуться в город, и пир продлился недолго. Матушка прислала проводить меня и, узнав, что я всё ещё кашляю, распорядилась оставить меня в Чертоге Циюнь, а А-Хуань отослала обратно во дворец Шанъян.

К вечеру я ещё держалась, а ночью внезапно разгорелся жар. На следующее утро, когда пришла Ваньэр, я уже лежала совсем разбитая, не в силах подняться. Не знала я, когда она ушла и когда пришла матушка, лишь смутно слышала, как матушка гневается, браня сопровождавших меня слуг за нерадивость. Я поспешно открыла глаза и взмолилась: «Они не виноваты, сама виновата, бездумно скакала и простудилась». Вспомнив, что Хулюй Добао — человек Дугу Шао, я забеспокоилась ещё больше, ухватила за матушкин рукав и сказала: «Матушка, у меня от таких разбирательств голова разболится, а с головной болью мне не поправиться. Матушка, прости их, пожалуйста».

Матушка вздохнула, присела на край ложа поближе ко мне, положила руку мне на лоб и нахмурилась: «В детстве ты была слабенькой, но не до такой же степени. Почему чем старше, тем здоровье хуже?»

На душе у меня было беспокойно. Я прижалась к ней и пролепетала: «В детстве я с матушкой рядом была, матушкина царственная аура болезням не подпускала. А теперь я от матушки далеко, вот и нездоровится. Будь матушка всегда со мной — я бы и здорова была». Я бредила, лишь бы вызвать у матери сострадание и спасти слуг от наказания, но та, казалось, задумалась, медленно поглаживая мне спину: «Раз так, велю для тебя покои во дворце отвести. Приезжать сможешь, когда захочешь».

У меня не было сил даже обрадоваться. Я лишь бессвязно поблагодарила и снова провалилась в сон. В полубреду не могла понять, сколько времени прошло, лишь помнила, что проснулась уже при свете дня. Долгий сон подкрепил силы, я немного бульона отпила, справилась о матушке, Ли Дане и Чжэн Бо, а затем, словно невзначай, упомянула А-Хуань. Оказалось, она тоже заболела. Матушка, опасаясь заразы, велела отправить её обратно в Лоянский дворец, а Шоули привезли, чтобы составил компанию Ли Даню.

Я уже чувствовала себя лучше, но, услышав эту новость, снова забеспокоилась. Врачи-то при матушке и Ли Дане находятся, да и эффективные лекарства всегда под рукой. А-Хуань же во дворце влиянием не пользуется, останется одна в Лоянском дворце — ни врачей, ни лекарств. Как же быть? Я тут же отправила Сяньсянь в город под предлогом проверки дел в резиденции. Ждала всю ночь, но дождалась лишь ответа: «Государыни нет, посторонним вход воспрещён».

От волнения у меня губы чуть не покрылись пузырями. Полдня я металась по Чертогу Циюнь, пока наконец не придумала обходной путь. Кое-как пережила ночь, а на следующее утро, едва рассвело, оделась, умылась, привела себя в порядок и отправилась с утренним приветствием к матушке и Ли Даню.

<http://bllate.org/book/16278/1467229>